

Статья из Международного журнала нарративной терапии и работы с сообществами (*International Journal of Narrative Therapy and Community Work*), №3-4, 2005, стр. 34-42. Перевод с английского языка под редакцией Д.Кутузовой. Публикуется в целях некоммерческого распространения с разрешения издательства Далвич-центра.

Свидетельства травмы: схема интервьюирования пострадавших

Дэвид Денборо - штатный писатель издательства Далвич-центра, образовательной и консультативной организации, работающей в русле нарративного подхода в Аделаиде, Австралия. Дэвид - автор и редактор ряда книг, в том числе «За пределами тюрьмы: собирая мечты о свободе», издательство Далвич-центра, 1995 г.

В данной статье автор предлагает схему проведения беседы (интервью) с людьми, пережившими травму, насилие или жестокость, а также документирования этой беседы. Эта схема составлена таким образом, чтобы интервью и его запись не становились для пострадавшего повторной травматизацией, но, напротив, привели бы к преодолению негативного воздействия травмы на жизнь человека. Документы-свидетельства, созданные в результате интервью, в дальнейшем могут быть использованы в более широких целях.

Беседы с пострадавшими от травмирующих событий и документирование их историй происходят в самых разных жизненных контекстах. Психотерапевт может попросить человека, обратившегося к нему за помощью, рассказать о жестоком обращении, которому тот подвергся, или травме, и записать это в своих картах. Психологи, социальные работники и психотерапевты, работающие в нарративном подходе^{*}, пишут тем, кто к ним обращается, терапевтические письма, а также составляют особые психотерапевтические документы, например, сертификаты достижений и свидетельства об избавлении от проблемы; и в письмах, и в этих документах может использоваться материал истории о травматическом опыте. Закон требует «сбора показаний» у пострадавших, подающих иск о возмещении ущерба – это особый вид расспрашивания и документации. В различных точках мира, особенно там, где в значительной степени нарушаются права человека, различные организации собирают свидетельства о пережитом у людей, которые обращаются за советом или помощью¹. Те, кто это собирают, свидетельства пережитого людьми насилия, унижений и травм, надеются, что от этого пострадавшему станет хотя бы немного легче, и что эти материалы могут быть использованы для более широких целей - информирования Организации объединенных наций об имеющихся местах нарушениях прав человека, а также при рассмотрении дел в Международном уголовном суде в Гааге.

За последние несколько лет я говорил с многими людьми, вовлеченными в подобные проекты: с психотерапевтами, адвокатами, работниками центров реабилитации пострадавших от насилия и пыток, защитниками прав женщин в Бангладеш, Ливане, Южно-Африканской республике, Израиле, в Палестине, Австралии и других местах. Мы беседовали о сборе и документации свидетельств пострадавших и

^{*} Больше о нарративном подходе на русском языке можно прочесть на сайтах www.narrative.ru, www.narrativepsy.narod.ru, а также в журнале «Постнеклассическая психология»

вскрывались ошеломляющие, даже пугающие факты. Некоторые организации по правам человека вообще отказались от сбора свидетельств, когда поняли, что тем самым они ненамеренно повторно травмируют тех людей, которым хотят помочь. Психотерапевты приводили шокирующие примеры того, как срывалась их работа с пострадавшими, особенно женщинами, после того как те давали показания в суде. Публичный рассказ о травмирующем событии, когда он происходит определенным образом, часто приводит к тому, что отчаяние и безнадёжность снова завладевают жизнью человека. Данная статья – отклик на эти беседы с коллегами, а также – часть моей работы как штатного писателя в издательстве Далвич-центра.

Я часто провожу интервью и записываю истории людей и сообществ, переживших трагедию. Важно отметить, что мы записываем не только историю того, что случилось с людьми, самого травмирующего события. Мы записываем также и то, каким образом эти люди и сообщества откликнулись на происшедшее, что они предприняли, какие поступки совершили, их умения и навыки, способствующие преодолению трудностей и исцелению, их надежды и ценности – а также то, откуда эти надежды и ценности пришли в их жизнь и как они на нее повлияли. Таким образом, в рамках нарративного подхода эти свидетельства попадают в категорию «описаний с обеих сторон»ⁱⁱ.

По большей части эта работа заключается в записи историй, создании письменного документа. Однако бывают случаи, когда мы работаем совместно с людьми, пережившими насилие и унижения, чтобы помочь им рассказать о своих переживаниях опыте публично (например, на международных конференциях) таким образом, чтобы они смогли поделиться со слушателями теми особыми знаниями и умениями, которые помогают им выжитьⁱⁱⁱ. Бывает, что свидетельства складываются в песни^{iv}.

В этой статье мы хотели бы предложить возможную схему проведения интервью и записи историй людей, переживших травму, насилие или жестокость. Я надеюсь, что она поможет собирать свидетельства о пережитом таким образом, чтобы сам рассказ о происшедшем не травмировал пострадавшего, а, напротив, способствовал преодолению воздействия последствий пережитого на жизнь человека. Записи свидетельств могут затем быть использованы для того, чтобы:

- поделиться с другими, попавшими в подобные ситуации
- расширить знания профессионалов о том, что знают и умеют делать люди, справляющиеся с последствиями травмирующего события
- информировать общественность о последствиях травм и насилия с целью их предотвращения в будущем
- содействовать политической и общественной активности людей
- искать формы, в которых переживания пострадавших могут быть признаны отдельными людьми и обществом
- добиться официального возмещения ущерба и восстановления справедливости

На собственном опыте я убедился, что можно создать такие условия, в которых сбор и запись свидетельств пострадавших приносит значительное облегчение человеку или сообществу, и в то же время позволяет подготовить убедительные материалы, которые можно использовать во всех целях, перечисленных выше.

Схема, простая в использовании

Я специально постарался максимально упростить изложение подхода в этом разделе^v. Посетив правозащитные организации в разных странах, я обнаружил, что люди, собирающие свидетельства, не проходят никакой специальной подготовки. Важно отметить, что они работают, исходя из собственного опыта переживания травмы и ее последствий. Они всей душой хотят помочь людям, обращающимся к ним. Я искренне надеюсь, что схема, приведенная ниже, окажется полезной в их работе. Эта схема может быть полностью реализована за три встречи, так как это, как правило, максимум имеющегося времени.

В основании разработки этой схемы лежат четыре основных упования, четыре надежды. Во-первых, обеспечить такой процесс сбора свидетельств и создания документов о происшедшем, который может быть понят и как политическое действие, и как вклад в психотерапевтическую работу и работу с сообществами. Во-вторых, не допустить повторной травматизации. В-третьих, создать такой процесс проведения интервью и записи историй, который способствует исцелению. В-четвертых, получить насыщенные описания¹ свидетельств, которые могут быть использованы для решения более широких задач.

Существует возможность собирать свидетельства таким образом, что будет получена информация об имевших место пытках/насилии/жестокости и травме, и в то же время узнать, как человек смог сопротивляться поруганию того, что для него важно и ценно, на что он надеялся, что помогло ему вырвать свою жизнь из-под влияния травмы. Такие «описания с обеих сторон» могут быть очень полезны человеку, рассказывающему о том, что ему довелось пережить. Ими также можно поделиться с людьми, пережившими подобные ситуации, использовать в контексте обучения и как средства для повышения осознанности общественности – как формы более широкой политической и общественной деятельности^{vi}.

Схема интервьюирования человека, пережившего травму

Процесс сбора такой информации проходит поэтапно:

- Подготовить человека к интервью

¹Под «насыщенным описанием», в противовес «тонкому», в нарративном подходе понимается такое разноплановое и богатое описание, в котором человеку легко найти место для себя и для того, что ему важно в себе и в мире.

- В начале беседы создать атмосферу, которая даст человеку почувствовать, что о нем заботятся
- Провести три этапа интервью
- Выразить признание переживаний и опыта рассказчика/ предложить отклик в конце интервью
- Записать рассказанную историю
- Провести вторую встречу с человеком, предоставившим свидетельство пережитого
- Отслеживание влияния данной беседы на жизнь человека и его психоэмоциональное благополучие, в частности

Теперь мы рассмотрим каждый из этих этапов.

Подготовка человека к интервью

Эта подготовка имеет очень большое значение для человека, решившегося рассказать о том, чему он подвергался. Перед встречей человека можно спросить, где и как ему удобнее встретиться, узнать, хотел бы он прийти с другом, родственником и/или с психотерапевтом. Если возможно, следует послать письменное приглашение с описанием цели встречи, важности сбора свидетельств и его значения для жизни других людей.

В случае, если интервью будет проводиться в помещении, похожем на то, в котором человека раньше допрашивали и пытали, может быть важно дать им знать заранее, с кем они будут встречаться и даже отправить им вопросы. Это позволит им понять особенности предлагаемого интервью и его радикальное отличие от допроса.

Не менее важно сообщить, что человек может не отвечать на вопросы, на которые он не хочет давать ответ, что он в любое время может отдохнуть или вовсе закончить беседу. Людям может быть также важно знать о том, кто еще сможет услышать/прочесть то, о чем они будут говорить, и как будет соблюдаться конфиденциальность. На этом этапе нужно обговорить и вопрос официального согласия, если такое потребуется, и то, каким образом будет осуществляться отслеживание влияния этой беседы на жизнь (в частности, психоэмоциональное благополучие) человека, если оно будет проводиться вообще^{vii}.

Создание атмосферы, которая даст человеку почувствовать, что о нем заботятся

Существует несколько способов создать доброжелательную, безопасную атмосферу в начале самого интервью. От этого во многом зависит, как будет себя чувствовать человек во время всей беседы. Например, вначале можно отметить, что свидетельства человека могут изменить жизнь других людей к лучшему, что, благодаря им, люди станут лучше осознавать, что происходит, что это может помочь тем, кто проходит через подобное, и так далее.

Перед началом интервью можно сказать собеседнику, что он действительно претерпел суровые испытания, но все-таки выжил. Следует так же объяснить, что процесс сбора свидетельств включает не только вопросы о последствиях пережитого, но и о том, как человек справился с этим – что он узнал, понял, чему научился и что теперь может передать другим.

Необходимо сказать, что подобные интервью имеют очень большое значение, что беседа затронет самые разные истории в жизни собеседника. Человека, который собирается рассказать о том, что с ним случилось, можно спросить, как он поймет, что не может больше говорить об этом, как он сможет сообщить об этом интервьюеру, и как следует поступать в таком случае. Здесь есть несколько вариантов: сделать небольшой перерыв, выпить чашку чая, выкурить сигарету, прогуляться, посидеть в тишине, договориться о продолжении беседы завтра, попросить совсем завершить этот разговор, и т.п. Вместе с собеседником интервьюер может заранее обсудить все трудности, которые могут возникнуть во время беседы, и договориться, что делать.

На этом этапе интервьюер может предупредить, что в течение беседы будет периодически спрашивать, как чувствует себя человек, все ли идет хорошо, не надо ли сделать перерыв или перейти к следующему вопросу и т.д.

Три этапа интервью

Для проведения интервью с целью получения информации от человека, пережившего травму, я выделяю три группы вопросов, составляющие три этапа интервью. Стандартная схема важна для обеспечения открытости процесса, для обеспечения признания его юристами, а также придает уверенности тем, кто только начинает заниматься сбором свидетельств.

Часть первая (задание контекста)

- Скажите, что вы ожидаете от нашей беседы сегодня? К каким хорошим последствиям она могла бы привести? Почему вы решили рассказать о том, что вам довелось пережить?
- Что эти надежды и решение рассказать свою историю может поведать нам о том, что для вас ценно и дорого в жизни?
- Всегда ли эти были важно для вас? Как эти важные ценности появились в вашей жизни и какое влияние они на нее оказали?
- Кого бы не удивило ваше решение придти и предоставить свое свидетельство? Почему? Что они знают о вас такого, что могло бы объяснить, почему бы их это не удивило?

Часть вторая (получение сведений о жестоком обращении/насилии/пытках и их последствиях)

- Расскажите нам о том насилии и унижении, которому вы подвергались. В каких формах это происходило?
- В то время, когда это происходило, каким образом вы старались вынести это испытание? О чём вы думали? Какие воспоминания и мечты помогали вам держаться? Что поддерживало вас в самые ужасные минуты?
- Может быть, для того, чтобы справиться с разными видами унижения и насилия, вы использовали различные способы?
- Почему для вас важно, чтобы другие люди узнали об этом?
- Каким образом отразилась эта травма/жестокое обращение на вашей жизни? Как это повлияло на вас? На ваши отношения? Семью? На людей, которые живут рядом с вами?
- Какие последствия были самыми тяжелыми для вас? Почему?
- Продолжают ли проявляться последствия той травмы в вашей жизни в настоящее время?

Часть третья (укрепление историй о выживании/жизнестойкости)

- В начале нашей беседы вы рассказали о том, что является для вас важным в жизни (перечислите, что говорил собеседник, используя его выражения). Как вы смогли быть в контакте с этими ценностями и надеждами, несмотря на жестокое обращение, которому вы подвергались?
- Были ли у вас какие-либо способы, которые помогли облегчить последствия травмы? Если да, то как вы это сделали? Были ли эти способы новыми в вашей жизни, или вы пользовались ими ранее? Как вы научились этому? Какую роль эти умения играют в вашей жизни?
- Был ли кто-то из людей, кто помог вам изменить ситуацию к лучшему? Что они сделали или сказали, что имело значение для вас? Почему это было важно?
- Если кому-то пришлось бы пережить нечто подобное тому, что пережили вы, чтобы вы могли им посоветовать? Какие истории вы рассказали бы им о том, какие шаги вы предприняли, чтобы вырвать свою жизнь из-под влияния последствий этой травмы?

Признание переживаний рассказчика и отклик интервьюера/присутствующих в конце интервью

Людям, которые предоставляют свидетельства, очень важно услышать значимый отклик от слушателей в конце интервью^{viii}. Здесь можно подчеркнуть важность этих свидетельств для других людей, можно отметить, чему интервьюера научила эта история, как мысли и знания одного человека могут помочь другим. На этом этапе можно поговорить о способностях человека и рассказанных им историях о тех шагах, которые человек предпринял, чтобы вырвать из-под влияния проблемы отдельные области и

аспекты своей жизни^{ix}. Если после беседы интервьюер сможет пересказать несколько ключевых моментов свидетельства пострадавшего, которые были более всего важны для самого интервьюера; объяснить, почему именно эти моменты имеют такое значение; каким образом они отражают ценности и убеждения рассказчика; как слушание этой истории повлияло на интервьюера, какие изменения вследствие этого теперь могут произойти в его жизни, работе и восприятии мира – все это может оказать огромное влияние на человека, который решил поделиться своими свидетельствами. Подобный отклик, известный также как «церемония признания», или работа с группой «внешних свидетелей»², может подкрепить убеждение рассказчика в том, что переживание травмы было «не зря», и что его история стоила того, чтобы ее рассказать, и была воспринята достойно.

Составление письменного документа

Когда мы составляем документ о предоставленном свидетельстве травмы, необходимо помнить, что рассказчик должен иметь возможность прочитать записанное. Учитывая это, важно, чтобы в записи история травмы была уравновешена с историей сопротивления/выживания/исцеления. Причем они должны быть сбалансированы по значимости.

В запись истории о пережитой травме должны быть включены три основных аспекта:

1. События, что конкретно довелось пережить человеку
2. Последствия этих событий. Это могут быть последствия в жизни отдельного человека, в его представлении о том, кем он является и каков он, в его взаимоотношениях или последствия для более широкого сообщества.
3. Реакция человека на травму, что это говорит читателю о надеждах, ценностях и желаниях рассказчика.

Даже во время первой половины беседы, когда обсуждается само травмирующее событие, необходимо включать реакцию человека не травму. Например, если человек был в заключении, в это время он использовал какие-то способы поддержания бодрости духа, помощи другим, воспоминания о прошлом, которые помогали человеку выжить, и др. По возможности следует расспросить, каким образом человеку удавалось сохранять надежду и не сдаваться. Запись этих реакций на травму во время беседы является важной частью процесса создания «описания с обеих сторон». Это насыщенное описание сопротивления и выживания можно расширить во второй части документа-свидетельства.

Вторая часть письменного документа содержит истории умений и знаний человека, способствовавших преодолению последствий травмы, как

² На русском языке с материалами по работе с группой «внешних свидетелей» можно ознакомиться в журнале «Постнеклассическая психология», № 1(3), 2006.

реагировал человек, что помогало вырвать жизнь из-под влияния пережитого, что имеет значение сейчас, и какие шаги человек предпринимает, чтобы жить предпочитаемой жизнью.

Создание письменных свидетельств, которые могут быть использованы в разных контекстах – непростая задача. Эти документы могут читать сами рассказчики, их можно направить в ООН, или предоставить другим пострадавшим, а также использовать для обучения профессионалов и т.д. Однако если свидетельства записываются только для профессионалов или для решения юридических вопросов, это меняет весь процесс проведения интервью и отклика на историю человека. Это меняет и язык документа. Существуют способы записи последствий травмы живым и убедительным образом без использования психиатрических терминов. В результате люди, не являющиеся профессионалами в сфере помощи, смогут лучше воспринять эту историю. Часто подобная форма записи делает историю более осмысленной и для самого рассказчика. Даже при составлении официальных документов можно включать слова и выражения, фактически использованные рассказчиком.

Вторая встреча с человеком, дающим свидетельства

Как только письменный документ составлен, наступает время для второй встречи с человеком. На этой встрече ему предлагается прочитать записанную версию его рассказа и оценить, правильно ли изложена его история, не надо ли что исправить или добавить, прежде чем документ будет завершен. Тут можно спросить о том, какие впечатления остались от интервью, от прочтения документа, что можно было бы сделать, чтобы стало лучше, что человек хотел бы сказать тем, кому еще предстоит принять решение рассказывать или не рассказывать свою историю, что помогло бы им принять решение и/или подготовиться к беседе. Далее надо вручить человеку завершенную копию его свидетельства и «сертификат признания»^x - формальное признание значимости вклада этого человека в жизнь других людей через участие в интервью. Если позволяет ситуация, можно провести формальную церемонию, где в присутствии группы поддержки рассказчика зачитывается письменный документ-свидетельство и вручается сертификат признания или благодарность.

Отслеживание влияния участия в интервью на жизнь человека

О какой бы форме отслеживания влияния участия в интервью на жизнь человека вы не договорились в начале совместной работы, она должна быть исполнена. Очень важно довести до конца то, что было обещано и предложено.

Размышления об описанной схеме

Предложенная здесь структура – всего лишь одна из возможных схем сбора и документации свидетельств пострадавших. Естественно, она требует адаптации к местным условиям и культуре. Тем не менее, я верю, что она дает полезные указания на способы получения и документации свидетельств, позволяющие избежать риска повторной травматизации.

Итак, процесс, описанный выше, включает: специальную подготовку людей к интервью, порядок задавания вопросов, определенный отклик на рассказ человека и создание документа в формате «описания с обеих сторон». Очень важно, что документ этот предоставляется рассказчику, который проверяет, правильно ли с его слов записана его история. Завершается процесс церемонией признания и благодарностью за поступок человека. Опыт нашей работы показал, что все эти факторы создают обстановку, при которой процесс дачи информации и ее запись положительно сказываются на состоянии человека и его возвращении к нормальной жизни.

Обсуждение в более широком контексте

Я ни в коем случае не хочу сказать, что процесс сбора и документирования свидетельств пострадавших станет для интервьюера проще и легче. В среде юристов существуют четкие представления о том, что представляют собой «показания» и о том, что определенные вопросы являются «нейтральными» в отличие от «наводящих». Есть устойчивые договоренности о том, какие виды свидетельств являются «приемлемыми» и «верными». Часто встречаются ситуации, когда пострадавших побуждают рассказывать историю о том, что они пережили, в определенном ключе, акцентируя нанесенный ущерб и даже преувеличивая его, так как величина материальной компенсации может быть пропорциональна ущербу^{xi}. Все это влияет на общепринятые способы сбора и документирования свидетельств – и тем самым на жизнь людей, предоставляющих свои свидетельства, и их представления о том, кем они являются.

Существуют и общепринятые убеждения и руководства к действию в сфере психотерапии, и более конкретно – в сфере работы с травмой, которые ведут к тому, что рассказ человека о пережитом ведет к повторной травматизации и к тому, что человек начинает считать, что он «болен», «сломался» или отличается «хрупкостью». Я убежден, что читатели этого журнала знакомы с подобными убеждениями, поэтому не буду описывать их подробно.

Отмечу, однако, что в сфере психотерапевтической работы с травмой появляются и иные голоса, в результате чего «описания с обеих сторон» могут стать более распространенными. Работы Summerfield (1995) и Becker (1995), в частности, привлекают внимание к ограничениям сфокусированности западной психиатрии на отдельном человеке и к

сомнительному влиянию виктимологии на практику, и призывают тщательно рассматривать смысл и значение травмы и выживания в разных культурах. Практики-представители иных культур отмечают ограниченную роль психологических подходов в работе с традиционными обществами (см. Arulampalam et al., 2005). В то же время психологи феминистского направления сомневаются в том, что истории-свидетельства пострадавших женщин пересказываются и документируются адекватно. Признавая вполне реальные последствия насилия и жестокого обращения, Шерон Лэмб (S.Lamb, 1999) призывает прекратить воспринимать женщин в качестве пассивных жертв, и перевести обсуждение насилия из сферы индивидуальной психопатологии и психического здоровья в сферу социокультурную и политическую. Лэмб пишет: «Сместив фокус обсуждения, мы перестанем быть заинтересованы в выслушивании исключительно историй женщин о насилии, которому они подвергались, но будем побуждать их рассказывать истории о повседневном сопротивлении насилию» (S.Lamb, 1999, стр.33).

Важно отметить, что в юридических кругах также звучат голоса, призывающие к альтернативным способам сбора показаний. Коренное население Австралии и Канады предлагает альтернативы общепринятой юридической системе (см. Behrendt 1995, 2002; Gatensky 1996; Kelly 2002). В альтернативных юридических системах есть место для новых способов распространения историй и свидетельств пострадавших. В то же время, адвокаты, писатели и активисты феминистского движения привлекают внимание к реальному воздействию определенных процессов дачи показаний и судебных разбирательств на жизнь и самочувствие женщин, которые подвергались насилию и жестокому обращению^{xii}. В качестве отклика на подобные переживания некоторые психологи и адвокаты феминистского направления рассматривают достоинства и недостатки альтернативных, коммунитарных подходов к правосудию в связи с преступлениями, совершенными в отношении женщин. Очень вдохновляющие примеры приведены в работах Koss (2000) и Rubin (2003).

Я надеюсь, что приведенная выше схема сбора и документирования свидетельств пострадавших может хотя бы в малом способствовать поиску альтернативных путей отклика на травмирующие ситуации и насилие. Я надеюсь, что она послужит для практиков – психотерапевтов, социальных работников, адвокатов или правозащитников – основой для разработки их собственных способов сбора свидетельств, при которых рассказчик не будет подвергаться повторной травматизации, а его способности выживания и преодоления последствий пережитого будут признаны, - чтобы эти истории о человеческом мужестве становились широко известны.

Благодарности

Многие высказали полезные соображения по первому варианту данной статьи. Это Шеридан Линнелл, Ванесса Джексон, Патрик Мосс, Фра Майкл

Лэпсли, Таймали Киви Тамазиз, Шона Рассел, Анджела Цун он-ки, Мэгги Кэри, Марк Хэйвард, Ивонн Слип, Сью Манн, Элиас Ванияма, Эмиль Махлуф и Чарльз Уолдегрейв. Ключевыми для данной статьи, естественно, являются идеи Майкла Уайта об «описании с обеих сторон», а также этические принципы интервьюирования и публикации историй, разработанные Шерил Уайт.

Литература

- Agger, I. & Jensen, S.B. 1990: 'Testimony as Ritual and Evidence in Psychotherapy for Political Refugees.' *Journal of Traumatic Stress*, 3:115-30.
- Arulampalam, S., Perera, L, de Mel, S., White, C & Denborough, D. 2005: 'Stories from Sri Lanka -responding to the tsunami.' *International journal of Narrative Therapy and Community Work* #2.
- Becker, D. 1995: 'The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations.' In Kleber, R., Figley, C. & Gersons, B. (Eds): *Beyond Trauma: Cultural and Social Dynamics*. New York: Plenum Press.
- Behrendt, L 1995: *Aboriginal Dispute Resolution: A step towards self-determination and community autonomy*. Sydney: The Federation Press.
- Behrendt, L. 2002: 'Lessons from the mediation obsession: Ensuring that sentencing 'alternatives' focus on indigenous self-determination.' In Strang, H. & Braithwaite, J. (Eds): *Restorative justice and family violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cienfuegos, J. & Monelli, C 1983: 'The Testimony of Political Repression as a Therapeutic Instrument', *American journal of Orthopsychiatry*, 53:43-51.
- Denborough, D. 2002: 'Community song-writing and narrative practice.' *Clinical Psychology*, 17:17-24.
- Department for Women, 1996: *Heroines of Fortitude: The experiences of women in court as victims of sexual assault*. Gender Bias and the Law Project. NSW: Department for Women.
- Heath, M. 2005: 'The law and sexual offences against adults in Australia.' *Australian Centre for the Study of Sexual Assault Issues Paper, #4, June*. Melbourne: Australian Institute of Family Studies.
- Gatensky, H. 1996: 'Circle Justice.' In Denborough, D. (Ed): *Beyond the Prison: Gathering dreams of freedom*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.
- Herman, J. 1992: *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence - From Domestic Abuse to Political Torture*. New York: Basic Books.
- Koss, M. 2000: 'Blame, Shame, and Community Justice Responses to Violence Against Women.' *American Psychologist*, November.
- Lamb, S. 1999: 'Constructing the Victim: Popular Images and Lasting Labels.' In Lamb, S. (Ed): *New Versions of Victims: Feminists Struggle with the Concept*. New York: New York University Press.
- Rubin, P. 2003: *Restorative justice in Nova Scotia: Women's Experience and Recommendations for Positive Policy Development and Implementation*. Report

and Recommendations. Ottawa, Canada: National Association of Women and the Law.

Kelly, L. 2002: 'Using restorative justice principles to address family violence in Aboriginal communities.' In Strang, H. & Braithwaite, J. (Eds): *Restorative justice and family violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Summerfield, D. 1995: 'Addressing Human Response to War and Atrocity: Major challenges in research and practices and the limitations of western psychiatric models.' In Kleber, R., Figley, C & Gersons, B. (Eds): *Beyond Trauma: Cultural and Social Dynamics*. New York: Plenum Press.

White, M. 1999: 'Reflecting-team work as definitional ceremony revisited.' *Gecko: a journal of deconstruction and narrative ideas in therapeutic practice*, 2:55-82. Republished 2000 in White, M.: *Reflections on Narrative Practice: Essays & interviews* (chapter 4), pp.59-85. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

White, M. 2000: 'Re-engaging with history: The absent but implicit.' In White, M.: *Reflections on Narrative Practice: Essays & interviews* (chapter 3), pp.35-58. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

White, M. 2004: 'Working with people who are suffering the consequences of multiple trauma: A narrative perspective.' *International Journal of Narrative Therapy and Community Work* #1.

Примеры «описаний с обеих сторон»:

Amir, 2001: 'Still Searching.' *Dulwich Centre Journal*, 1:22-23.

Bullimore, P. 2003: 'Altering the balance of power: working with voices.' *International Journal of Narrative Therapy and Community Work*, 3:22-28.

Nicholls, C. 1998: 'A story of survival.' *Dulwich Centre journal*, NOS.2&3. Republished 1999 in Dulwich Centre Publications (Eds): *Extending Narrative Therapy: A collection of practice-based papers* (chapter 9), pp.117-124. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

de Valda, M. 2003: 'From paranoid schizophrenia to hearing voices - and other class distinctions.' *International journal of Narrative Therapy and Community Work*, 3:13-17.

Kathy, 1999: 'Experiences of homelessness: From an interview (Denborough, D. & White, C., interviewers).' *Dulwich Centre Journal*, 3:2-8.

Mia, 1998: 'Resilience is a beautiful word.' *Dulwich Centre Journal*, 4:18-20.

O'Neil, M. 2004: 'Researching "suicidal thoughts" and archiving young people's insider knowledges.' *International journal of Narrative Therapy and Community Work*, 3:38-40.

Sheedy, L 2005: 'Try to put yourselves in our skin: The experiences of Wardies and Homies.' *International journal of Narrative Therapy and Community Work*, 1:65-71.

Silent Too Long, 2000: 'Embracing the old, nurturing the new.' *Dulwich Centre journal*, 1812:62-71. Republished 2003 in Dulwich Centre Publications (Eds): *Responding to Violence: A collection of papers*

relating to child sexual abuse and violence in intimate relationships, pp.71-91 (chapter 3). Adelaide: Dulwich Centre Publications.

Silent Too Long, 1998: 'Your voices inspire mine.' *Dulwich Centre journal*, 4:2-8.

The Narrandera Koori Community 2002:

'The Narrandera Koori Community Gathering' www.dulwichcentre.com.au

Wingard, B. & Lester, J. (Eds) 2001: *Telling Our Stones in Ways that Make Us Stronger*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.

WOWSafe, 2002: 'Seeking safety and

acknowledgement.' *International Journal of Narrative Therapy and Community Work*, 1:70-74. Republished 2003 in Dulwich Centre Publications (Eds): *Responding to Violence: A collection of papers relating to child sexual abuse and violence in intimate relationships*, pp.129-138 (chapter 7). Adelaide: Dulwich Centre Publications.

ⁱ Отчасти эта работа развивалась под влиянием трудов чилийских психологов Cienfuegos & Monelli, (1983), а также Agger & Jensen (1990) и Herman (1992). Другие свидетельства документируются в четком соответствии с требованиями и схемами ООН или Международного Уголовного Суда в Гааге.

ⁱⁱ Более подробно ознакомиться со значением «описания с обеих сторон» в работе с теми, кто пережил травму, можно в работах Майкла Уайта (2004).

ⁱⁱⁱ Примеры различных свидетельств, собранных в формате «описаний с обеих сторон», публиковались во многих изданиях Далвич-центра.

^{iv} См. Denborough (2002)

^v Для того, чтобы упростить изложение, я не включил в текст некоторые важные понятия нарративного подхода, которые могут иметь большое значение в данной сфере работы с травмой, например, представление М.Уайта об «отсутствующем, но подразумеваемом» (White, 2000). В данном случае схема описана для случаев работы с отдельными людьми, но необходимо отметить, что та же схема применяется в работе с группами людей и сообществами.

^{vi} «Описания с обеих сторон» гораздо более увлекательны для читателя, чем одностороннее изложение травмирующих событий. Только узкий круг специалистов читает истории о пытках и насилии, но если рассказывается описание того, как человек выжил в тяжелой или даже чудовищной ситуации, эта история может обрести самостоятельную жизнь и распространиться гораздо шире. Таким образом, «описания с обеих сторон» могут способствовать более широкому социальным изменениям.

^{vii} Исключительно важно, чтобы вся организация процесса сбора свидетельств была абсолютно прозрачна для рассказчика, и чтобы все данные ему обещания выполнялись. Возвращение ложных надежд в подобной ситуации оказывается крайне вредным.

^{viii} В некоторых ситуациях может оказаться лучше, если этот отклик после интервью будет давать не сам интервьюер, а третья сторона, на роль которой можно и весьма полезно бывает приглашать людей, которые тоже прошли через подобные испытания.

^{ix} О работе с группой «внешних свидетелей» - слушателей, присутствующих при интервью, написано достаточно много. Подобный формат работы обеспечивает разноплановый отклик на историю человека, ее признание и более широкое распространение «описания с обеих сторон». Желающие более подробно ознакомиться с практикой работы с группой «внешних свидетелей» могут обратиться к работам Майкла Уайта (1999).

^x В некоторых случаях человеку может быть небезопасно иметь официальное подтверждение того, что он рассказал о том, чему подвергался. В таком случае могут быть созданы альтернативные формы признания, указывающие скорее на то, как его умения и знания помогли другим.

^{xi} Вынесение решения о величине компенсации пропорционально ущербу – не единственно возможный юридический подход к проблеме. Альтернативные подходы могут связывать величину компенсации с типом имевшего место нарушения прав. Хотя подобные альтернативные подходы находятся в стадии разработки, они могут сыграть важную роль в преодолении желания рассказчика преувеличивать нанесенный ущерб и «застревать» на позиции «жертвы».

^{xii} К примеру, в Австралии Департамент по делам женщин привлек внимание к тому, насколько тяжело женщинам участвовать в судебных процессах над насильниками: «в 65% случаев судебное заседание прерывалось в среднем дважды из-за того, что истица испытывала сильные негативные эмоции. Если истица являлась инвалидом или принадлежала к коренному населению, количество вынужденных перерывов в судебном заседании было больше» (1996, стр.4).

Доктор Мэри Хит недавно (2005) проиллюстрировала дрящееся реальное влияние определенных судебных практик на жизнь женщин, подвергшихся сексуальному насилию: «Сами способы, применяющиеся в австралийской юридической практике для отклика на правонарушение. До сих пор считаются неприемлемыми. Именно в силу этого многие люди, пережившие изнасилование, не обращаются в полицию... а те, кто обращаются, сообщают о том, что это тяжело, унижительно и само по себе является травмирующим переживанием. Судебный процесс не признает и не уважает вклад истца или истицы, обратившейся с жалобой, в улучшение условий жизни в обществе...» (Heath, 2005, стр.31).